

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. И. Спиридонова

Западный дискурс «стандарта цивилизации» и его эволюция

Valeria I. Spiridonova

Western discourse of the “standard of civilization” and its evolution

Привлечение внимания к дискурсу «стандарта цивилизации», его развитию и трансформации важно с точки зрения осознания процесса самоидентификации Запада, а также как способа перестройки хода мировой истории. Категория «стандарта цивилизации», соотносимая исключительно с европейской динамикой и европейскими ценностями, выстраивает международную иерархию стран и народов, возрождает дихотомию «цивилизация» – «варварство», становится оправданием вторжения в так называемые «страны-изгой» с целью изменения в них политических режимов.

Историческая логика концепта опирается на аргументы о «нарушении» отдельными народами положений «естественного права», понимаемого как привилегия европейского сообщества. Агрессия от имени дискурса цивилизации рассматривается как моральное бремя, осуществляемое «во имя блага этих народов». В результате создается манихейская теория двух миров как антагонистических полюсов – Добра и Зла, оправдывающая своеобразный «доброкачественный колониализм».

Современный «цивилизационный дискурс» обогатился идеологическими и пропагандистскими аспектами, имеющими целью моральное уничтожение, дискредитацию противника, его дискриминацию, диффамацию, криминализацию, и положил начало «фейковой агрессии». Актуален феномен «вторичного, или подражательно-го, империализма». Страны, недавно вошедшие в «европейскую семью», демонстрируя принадлежность к «цивилизованному сообществу», включаются в процесс «миссионерства» по отношению к «низшим» народам от имени общечеловеческих ценностей. В целом, создается ситуация, когда война ведется не во благо или во имя «цивилизации», а от имени «цивилизации» под эгидой «движения демократии».

Ключевые слова: цивилизация; стандарт цивилизации; дихотомия «цивилизация» – «варварство»; универсальные ценности; неокOLONIALИзм; «вторичный» и «подражательный» империализм.

To draw attention to the discourse of the “standard of civilization”, its development and transformation is important it is necessary to understand the process of self-identification of the West, as well as a way how the West try to reconstruct the course of world history. The modern category of “standard of civilization” is exclusively correlating with European dynamics and European values. It builds an international hierarchy of countries and peoples, revives the dichotomy “civilization” – “barbarism”, becomes a justification for the invasion to the so-called “rogue States” in order to change their political regimes.

The historical logic of the concept is based on the arguments about the “violation” of the clauses of “natural law”, understood as a privilege of the European community. Aggression on behalf of the “discourse of civilization” is seen by the Europeans as a moral burden carried out “for the good of these peoples”. As a result, the Manichaeism theory of two worlds as antagonistic poles emerges – the poles of Good and Evil. That theory justifies a kind of “benign colonialism”.

Modern “civilizational discourse” has been enriched with ideological and propaganda aspects aimed at moral destruction, discrediting the enemy, its discrimination, defamation, criminalization. This process marked the beginning of the actual phenomenon of “fake aggression”. The promotion of “secondary or imitative imperialism” is also developing. Countries that have recently joined the “European family”, to demonstrate their belonging to the “civilized community”, are included in the process of “missionary work” in relation to the “undeveloped” peoples on behalf of universal values. In General, creates a situation is creating when the war is conducted not for the benefits of “civilization”, but on behalf of “civilization” under the auspices of “promotion of democracy”.

Keywords: civilization; the standard of civilization; the dichotomy of “civilization” – “barbarism”; universal values; neo-colonialism; “secondary” and “imitative” imperialism.

С момента разрушения Советского Союза и наступления «эпохи однополярного мира» идея превосходства европейской, или западной, цивилизации превратилась в мегатренд мирового развития. Предполагалось, что Европейский регион исторически достиг такого уровня технологического, социального и политического развития, что может и должен служить образцом для трансформации всех остальных регионов мира. Одновременно оформление феномена глобализации предоставило средство распространения в планетарном масштабе евро-американских экономических институтов (в первую очередь свободной рыночной экономики), политических институтов (демократии) и «общечеловеческих ценностей» (оформленных в доктрине о правах человека). Феномен «западной цивилизации» из ограниченно-регионального образования трансформировался в универсальный идеал и путь развития для всего человеческого сообщества. В современном дискурсе все чаще стало использоваться понятие «стандарта цивилизации» как определенный комплекс принципов, выражающих европейский *modus Vivendi*, который обозначал также определенный уровень цивилизационного развития. Это привело к раз-

делению государств и стран по степени «развитости», или иначе «цивизованности», по отношению к Западу, что подспудно возродило почти исчезнувшую из мирового пространства дихотомию «цивилизация» – «варварство». На фоне такой аксиологической дилеммы подверглось переосмыслению само понятие «стандарт цивилизации», которое стало восприниматься как мерило уровня «цивизованности» стран, как «пропуск» в семью «цивилизированных народов». Эта же дихотомия в политической практике стала концептуальным оправданием вторжения в так называемые «страны-изгои» с целью изменения в них политических режимов.

Основу стратегии продвижения «стандарта цивилизации» составила структурно-функциональная методология, предполагающая нарушение статического равновесия «традиционных обществ», которые рассматриваются как отсталые, нуждающиеся в помощи или внешнем толчке для развития. Как указывает Эндрю Линклейтер, профессор международной политики Университета в Уэльсе, современный цивилизационный дискурс использует концепцию деления человечества на «три концентрических круга или сферы», сформулированную еще в конце XIX века известным английским юристом, профессором публичного права Эдинбургского университета Джеймсом Лоримером. Согласно этой теории первый круг составляет «цивилизованное человечество», второй – «человечество, находящееся в состоянии варварства», и третий – «человечество, пребывающее в стадии дикости» [16]. Внутренний круг включает в себя западные общества с организованным государственным управлением, в котором господствует закон и защищены фундаментальные права свободы личности. Вторую сферу образуют такие государства, как Япония и Китай, в которых наличествуют институты государственной власти, но которые, тем не менее, значительно отстают от «цивилизированных» западных форм правления. Наконец, к внешнему кругу принадлежат так называемые простые («simple») народы, у которых вовсе отсутствует какой-либо намек на организованное руководство. Начиная с XIX века эта классификация отражала убеждение европейцев в их неоспоримом праве на водительство и миссионерство и на колонизацию «дикого» мира. Современные концепции «стандарта цивилизации» во многом наследуют и развивают подобные размышления.

Своеобразным апогеем эволюции данного типа мышления в XX и XXI веках становятся идеи, изложенные в книге Френсиса Фукуямы «Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке» [6]. В ней практически повторяется аргументация XIX века, только лексика обогащается актуальной административно-управленческой тематикой, заменяющей антропологический словарь XIX столетия, и становится более экспрессивной. Так, вместо «дикарей» и «варваров» появляются «страны-неудачники»

[6, с.168–169], а несколько позже «государства-изгой», «государства-бандиты» или же государства с «девиантным отклоняющимся поведением» («*états-voyous*», «*états-brigands*», «*rogue states*»). Согласно этой трактовке множество так называемых премодерных (а значит, нецивилизованных) стран одним своим существованием бросают вызов и представляют угрозу для Нового мирового порядка [10, с. 86]. Такой подход призван легитимировать вмешательство «коллективного Запада» во внутренние дела этих стран вплоть до смены законно избранных правительств. Опорной идеологемой новой политики выступает лексическая единица под названием «стандарт цивилизации», которая на практике становится отправной точкой политики неокOLONиализма XX–XXI веков.

Приняв свою специфическую форму в XIX веке прежде всего как европейский юридический термин, категория «стандарта цивилизации» никогда не кодифицировалась как какой-либо конкретный набор критериев, определяющих такой «стандарт». Однако общая практика заключалась в его отождествлении с современными формами правления, преобладающими в соответствующий момент времени в Европе [17]. Так, в самом известном немецком энциклопедическом словаре Мейера, позднее объединившемся с энциклопедией Брокгауза, в 1897 году значилось: «Цивилизация есть ступень, через которую должен пройти варварский народ, чтобы достичь высшей культуры в промышленности, искусстве, науке и морали» [8, с. 87]. И хотя понятие «стандарт цивилизации» перестали временно использовать после Второй мировой войны, когда начался полномасштабный распад старой колониальной системы, сегодня он вновь обретает актуальность [17].

В современном мире для конструирования нового «стандарта цивилизации» дискуссия переводится в план отсылок к соблюдению прав человека, расширению демократии, развитию капиталистического рыночного хозяйства, а также решению экологических проблем в глобальном масштабе. Обратной стороной медали является так называемая помощь незападным странам, которая в реальности допускает не только завуалированное вмешательство в их внутренние дела, но и недвусмысленное использование военной силы.

Эволюция понятия «стандарт цивилизации»

Формирование европейского «цивилизационного стандарта» как общемирового, как стандарта жизни для всего остального человечества и как инструмента для обоснования вмешательства во внутренние дела «нецивилизованных» народов уходит корнями в глубь веков. Посылка «цивилизационного» превосходства прослеживается уже в идейном обосновании Крестовых походов. Предводители Христова воинства руководствовались в своих

действиях тем положением, что неверные не имели естественного законного права контролировать собственность или территорию [9]. Это были первые опыты, когда христиане утверждали свое право осуществлять контроль над язычниками и законно лишать их земли и собственности.

С развитием теорий естественного права подобные доводы несколько пошатнулись и подверглись частичному пересмотру. Гуманистическая мысль требовала определенного равенства всех представителей рода человеческого хотя бы на том основании, что все люди были созданы Богом и, следовательно, в равной степени обладают естественными правами. Однако стремление к расширению влияния, не вполне бескорыстного и вполне территориально-материального, привело к тому, что уже в XIII веке папоцезаристская Европа в лице Иннокентия IV лукаво переосмыслила свое «особое», хотя и естественное, право. Папа Иннокентий акцентировал приоритет христианского постулата о том, что Святой Петр при благословении Христа заповедовал заботиться о духовном благополучии всего «человеческого стада», в которое естественным образом входили неверные и язычники. Таким образом, христиане идеологически возвращали себе высшее оправдание для завоевания «цивилизованными» народами народов «варварских» во имя их же «спасения». Христианским князьям дозволялось собирать войска для наказания нехристиан за «нарушения» естественного права с точки зрения «просвещенных» народов. При этом, чтобы соблюсти видимость верности библейскому преданию и сохранить внешнюю легитимность таких действий, в состав армии включают миссионеров, которые сопровождали войско, дабы обращать языческие племена и земли в христианскую веру.

Следующий поворотный этап в развитии человечества – открытие Нового Света – был в значительной степени ориентирован на экономическую и территориальную колонизацию с сопутствующим укреплением доминирующего положения в Европе стран, ведущих эти завоевания. С целью оправдания действий конкистадоров испанская корона – главный приобретатель новых земель в те времена – использовала определенный стандарт цивилизационного дискурса, опираясь на прежнюю аргументацию о «нарушении» местными племенами положений «естественного права». Представители власти утверждали, что военные действия обоснованы и законны, поскольку народы Нового Света преступают естественный закон с точки зрения пуританской этики из-за поклонения ложным идолам и «сексуальной распущенности». А потому испанцы как развитая цивилизованная нация могут легально и вполне оправданно принять любые меры против них. По словам Жозе де Акосты, испанского иезуитского миссионера XVI века, туземное население было «абсолютно варварским, поскольку индейцы не имеют ни законов, ни царя, ни постоянного жилища, но ходят стадами, как дикие животные

и дикари» [9]. Вот так появляется новый оттенок в отношении к другим. Европейские завоеватели позиционируют коренное население как «недочеловеков», как низших существ по отношению к европейцам.

Наряду с этим и как естественное продолжение изложенной логики в XVI веке в европейской мысли распространяется идея о том, что «плохое поведение» варварских народов нуждается в исправлении и воспитании, а отсутствие навыков государственного управления следует замещать в этих регионах созданием администрации, приверженной, в частности, испанской короне. Таким образом, активность и глубина внедрения в иные государства нарастала. Начался процесс формирования элит, подвластных метрополии и переформатирующих коренное население в направлении, желательном для центра.

Во времена испанских завоеваний названные положения были теоретически обоснованы в трудах известного испанского богослова и правоведа Франсиско де Витория. Несмотря на признание действительности законов естественного права независимо от принадлежности к христианству и общую гуманистическую направленность его трудов, он предложил новый – морально-этический аспект восприятия аборигенов. Позиционируя их как лишенных «правильного» воспитания, подобно отсталому крестьянскому населению самой Европы, он обосновал тезис о необходимости внешнего управления такими народами. Он считал, что туземцы «должны беспрекословно подчиняться европейцам так же, как сыновья должны подчиняться своим родителям до совершеннолетия, а жена мужу» [9]. В этих высказываниях Ф. де Витория уже в первом приближении оформляется тема «бремени белого человека» как призвания «цивилизованных» наций «очеловечить дикарей», привить «варварам» дух универсальных европейских ценностей. Одновременно, упрочивается дихотомия «цивилизация» – «варварство», согласно которой европейцы являются учителями, наставниками и надзирателями над неразумными и стоящими на низшей ступени развития народами, нуждающимися в опеке. Очевидно, что эти тезисы не претерпели заметных изменений с течением времени. С не меньшим успехом они применяются в XX и XXI веках представителями новых мировых «центров силы».

Гуманизм как вектор общего восходящего развития, как синоним Прогресса уже в те времена соотносился только с европейским миром, что и было закреплено на международном законодательном уровне Вестфальским договором. Последний был призван прекратить военную и главным образом религиозную рознь не между всеми представителями человеческого рода, а только между «равными», т. е. внутри самой Европы – между католиками и протестантами. Положения Вестфальского договора как внутри европейского проекта, не распространяясь на иные народы, увековечивали тем самым роль «стандарта цивилизации» как инструмента воздействия на «внешние» страны, страны «второго и третьего круга» развития.

Еще одна сторона вопроса состоит в том, что с развитием либеральной мысли насильственные действия по отношению к «другим» народам от имени дискурса цивилизации стали рассматриваться как моральные, ибо они осуществлялись «во имя блага этих народов». Так, Дж. Ст. Милль в своем знаменитом эссе «О свободе» утверждал, что «деспотизм – законный метод управлять варварами, если цель – благая и достигается» [5]. Наглядная эволюция либерализма, в частности в трудах Милля, которые датируются уже не XVI веком (как писания Ф. де Виторио), а XIX веком, свидетельствует о закреплении принципа деления человечества по крайней мере на две категории с неравным моральным статусом. Дж. Милль также поддерживает идею о том, что если в отношениях между цивилизованными нациями следует руководствоваться принципом равенства, то связи между цивилизованными и «варварскими» народами остаются иерархическими, основанными на «инаковости» последних. В результате создается манихейская теория двух миров как антагонистических полюсов – Добра и Зла, Света и Тьмы, совершенного мира и заведомо неполноценного. Оправдывая, таким образом, законность вмешательства в устройство жизни «варваров», Дж. Милль теоретически подготавливает обоснование грядущей «цивилизующей миссии» европейцев, которые призваны утвердить своеобразный «доброкачественный колониализм».

События XX века, ознаменованного двумя жесточайшими мировыми войнами на территории Европы, т. е. внутри того самого «цивилизационного сообщества», казалось бы, должны были пошатнуть представления европейцев об их особой миссии. «Варвар» оказался внутри «цивилизации», более того, он был ею порожден. И все же даже такие исторические катаклизмы радикально не изменили общий вектор европейского ментального настроения. Этот вектор был преобразован в идеологический, имеющий целью моральное уничтожение и дискредитацию противника, его дискриминацию, диффамацию и криминализацию – предтечу современной «фейковой агрессии». Симптоматично то, что во время Второй мировой войны риторика «варварства» активно использовалась обеими сторонами конфликта. Союзники прямо называли Адольфа Гитлера варваром, а нацизм самой большой угрозой «цивилизации». В свою очередь, Гитлер использовал те же послышки. С одной стороны, он называл низшими существами и «недочеловеками» евреев, гомосексуалистов, поляков и коммунистов, а с другой стороны, ссылаясь на предшествующий опыт британской империи в отношении колониальных народов как на образец именно такого отношения к «низшим расам».

Как следствие, «цивилизационный дискурс» обрел еще один ракурс – он был дополнен острым пропагандистским аспектом, в котором окончательно были искажены первоначально заявленные намерения создать мир на универсальных всеобщих общечеловеческих принципах всеобщего блага, свободы и равенства. «Цивилизационный дискурс», призванный возвышать и примирять, являться орудием Разума, Развития и Свободы, сам становится оружием и рождает противостояние и рознь между народами. Война отныне ведется даже не во благо или во имя «цивилизации», а от имени «цивилизации». Очарование европейского «стандарта цивилизации» как универсального эталона и маркера Прогресса в итоге оказывается изрядно разрушенным.

Попытки исправить ситуацию и возродить образцы Просвещения были предприняты через механизм создания международных учреждений, таких как Лига Наций и позже ООН, которые, опираясь на идею универсальных прав человека, призваны были культивировать, по выражению Вудро Вильсона, создание «единых моральных устоев мира» [1].

Однако при этом самого В. Вильсона воодушевляла идея моральной миссии, возложенной преимущественно на Америку. В итоге он стал одним из тех, кто стоял у истоков традиции американской исключительности, которая внесла свою лепту в процесс деформации и фальсификации идеи прогрессивного «стандарта цивилизации». Недаром, Г. Киссинджер в своей книге «Мировой порядок» назвал главу, посвященную В. Вильсону, «Вудро Вильсон: Америка как совесть мира». По свидетельству американского госсекретаря, этого американского президента всегда почитали как пророка той всемирной миссии, к которой Америка должна стремиться. Как и многие американские лидеры до него, Вильсон утверждал, что Божьим произволением Соединенные Штаты созданы страной совсем иного рода. «Это как если бы, – заявлял он в 1916 году перед выпускниками Вест-Пойнта, – Божественным Провидением континент сохраняли нетронутым, в ожидании, пока туда не явится и не создаст бескорыстное государство мирный народ, который любит свободу и права людей превыше всего прочего» [2]. Эти упования не помешали нарастанию агрессивной милитаристской тактики поведения США в рамках установления Нового мирового порядка в XX и XXI веках. Они не остановили ни бомбардировки в центре Европы ради уничтожения «тиранических» режимов, ни разрушения ряда стран на Ближнем Востоке. Отныне «варварство» устраняется от имени «демократии» как нового «цивилизационного стандарта» и под эгидой «продвижения демократии», под знаменем которой развязываются войны и нарушается суверенитет «государств-изгоев».

Социоисторические следствия распространения дискурса «стандарта цивилизации»

Концепт «стандарта цивилизации» играл важную роль в формировании самой европейской, а позже коллективной евро-американской идентичности. Он способствовал консолидации сообщества «равных» «цивилизованных» государств на фоне и в противовес так называемым варварам. Фактически он был скорее инструментом созидания западной ментальности как особого мировоззрения, чем средством помощи и развития других народов. Декларируемые прогресс и освобождение оборачивались для них крахом их самостоятельности, ростом экономической и культурной зависимости, а агрессивное навязывание «общечеловеческих ценностей» мешало созиданию собственной уникальной культуры и «цивилизации».

Как свидетельствует Н. Элиас, глубоко и детально исследовавший пути и нюансы европейского цивилизационного процесса, европейцы в итоге создали идеальный образ самих себя. Они «укрепились в мысли, что их господство над другими народами является выражением некоей вечной миссии, предписанной им то ли Богом, то ли природой, то ли историческими обстоятельствами. Превосходство над другими, располагающими меньшей властью, стало чем-то самоочевидным, принадлежащим собственной сущности европейцев и обладающим высшей ценностью» [8, с. 22]. При этом категория «стандарта цивилизации», соотносимая исключительно с европейской динамикой и европейскими ценностями, стала, по сути, инструментом подчинения и колонизации других народов.

Это также означало, что с самого зарождения международной правовой системы неевропейские ценности и нормы были отодвинуты на второй план. Одновременно «цивилизованным» странам был предоставлен мандат на совершение актов насилия, на осуществление подчинения неевропейских народов. В результате единственной тактикой избежать давления со стороны «цивилизованного сообщества» становится стремление войти «в семью цивилизованных народов», «стать частью Европы» – лексика, широко используемая сегодня, в XXI веке.

Для дальнейшего утверждения «цивилизаторской миссии» был использован аргумент о так называемой «terra nullis» («ничейной земле»). Первоначально он восходил к постулату Римского права о «ничейной вещи» (*res nullius*), которая трактовалась как такая, у которой нет законного собственника. В эту категорию попадали потерявшиеся рабы, дикие животные, покинутые строения. Ту же смысловую нагрузку сохранил термин «terra nullis» впоследствии. Под ним подразумевалась территория, которая не была в *хозяйственном использовании*, т. е. не имела легального собственника.

Именно этим принципом оправдывались все завоевания и вытеснение аборигенов с их законных территорий со времен испанских конквистадоров

на американском континенте и в Океании. Философски такая позиция подкреплялась идеологией частной собственности Дж. Локка, согласно которой варварские народы, не имея идеи частной собственности, не могут достичь более высокого уровня развития, свойственного европейцам, такое право обосновавшим.

В XIX веке идея трансформировалась в прогрессистский и мессианский лозунг «бремени белого человека». Его поддерживали столь разные мыслители как революционер К. Маркс и либерал Дж. Ст. Милль, что замечательно отражает последовательность и преемственность «цивилизаторской» идеологии европейского мира в целом. Ведь оба ученых принадлежат к этому миру и наследуют его дух. К. Маркс, в частности, писал: «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, — с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [4]. Дж. Ст. Милль, в свою очередь, был убежден, что обычаи, а также нормы права и морали, которые утвердились между цивилизованными государствами, не могут применяться в отношении варварских народов. Он отчетливо обосновывает эти идеи, в частности, в небольшой статье «Несколько слов о невмешательстве» [3].

Во-первых, нецивилизированные народы не могут подчиняться правилам, поскольку не обладают должными ментальными способностями. Во-вторых, варварские народы находятся на таком уровне развития, что для них большим благом и выгодой было бы подчинение более развитым завоевателям. Независимость суть сакральная ценность, которая предполагает определенный культурный уровень и сформировавшееся национальное самосознание. А потому просвещенные народы должны брать на себя обязанность устанавливать мир и благополучие с помощью силы.

Аргументы Дж. Ст. Милля о пользе военных интервенций лежат в основе современной американской международной стратегии, о чем свидетельствуют работы американских идеологов [13].

Трансформация современного значения понятия «terra nullis» происходит в направлении акцента на нерациональном землепользовании, которое трактуется расширительно. Сюда, например, попадают не только естественно «ничейные» арктические территории, но и используемые неэффективно с точки зрения «мирового сообщества» природные ресурсы какого-либо государства. Основанием по-прежнему являются аксиомы европейского «естественного права», которые могут квалифицировать какой-либо народ как живущий в «естественном состоянии» или в состоянии «примитивного общества» с точки зрения технологически развитых государств Европы и Америки. Земли, принадлежащие такому народу, можно объявить «недостаточно культивируемыми» и даже «пустынными». А это означает законную

возможность признать допустимым их «освобождение» ради «высших целей» выживания человечества в целом. Именно таким «малокультурным» этносом сочли в свое время американцы коренное население Северной Америки. Сегодня такая трактовка таит в себе «новые перспективы» и далеко идущие последствия. Ультиматум с подобными основаниями предъявлялся, например, в 90-х и «нулевых» годах России, которую «цивилизованный» евро-американский блок признал тогда страной, «несправедливо» владеющей огромными запасами природных ископаемых.

В XX веке либеральный универсализм стал расцениваться рядом критиков, в основном представителями школы «политического реализма», как лицемерный. Претензии европейского «стандарта цивилизации» на то, чтобы стать моралью всего человечества, его «универсальной совестью», они считали всего лишь покровом для проведения в жизнь корыстных интересов ряда стран под видом общечеловеческих интересов. Когда какое-либо государство борется с другим, оно пытается «оккупировать универсальное понятие, – писал К. Шмитт, – чтобы отождествить себя (в ущерб противнику) именно с универсальным, подобно тому, как можно злоупотребить “миром”, “справедливостью”, “прогрессом”, “цивилизацией”, чтобы истребовать их для себя и отказать в них врагу. Человечество – особенно пригодный идеологический инструмент империалистических экспансий и, в своей этически-гуманитарной форме, – это специфическое средство экономического империализма. Здесь действует формула Прудона, модификация которой напрашивается сама собой: кто говорит “человечество», тот собирается обмануть”» [7, с. 331].

Обращение к «человечеству» как ко всеохватывающему и универсальному состоянию имеет опасные и непредсказуемые последствия. Оно усиливает эффект создания опасной дихотомии друга-врага, когда одна нация рассматривается как несущая благо и потому стоящая якобы на стороне Добра, тогда как другая нация, против которой осуществляются некие действия, позиционируется как «враждебная Добру». Из чего следует моральное право и даже обязательство первой («цивилизующей») нации или могущественного государства осуществлять контроль и опеку, а порой и военное вторжение на территорию так называемого нецивилизованного государства. Возникает «ужасающее притязание: за врагом отрицается качество человека, он объявляется *hors-la-loi* и *hors l'humanité* (вне закона и вне человечества. – В. С.), а потому война должна быть доведена до крайней бесчеловечности» [7, с. 331].

Это разделение между народами в конечном счете приводит к дегуманизации «врага» или «другого», что, соответственно, порождает конфликт. Немецкий философ определил опасность возникающего либерального гуманизма в международной политике как готовый и верный рецепт для текущих войн и грядущих интервенций.

Если в начале XX столетия такой «кастинг» народов приводил в конечном счете к масштабным мировым войнам, то в конце века и начале следующего акцент переносится в экономическую область и превращается в длительную и безграничную эксплуатацию побежденного. «Для приложения таких средств образуется, конечно, новый, по существу своему пацифистский вокабуляр, которому больше неизвестна война, но ведомы лишь экзекуции, санкции, карательные экспедиции, умиротворение, защита договоров, международная полиция, мероприятия по обеспечению мира. Противник больше не зовется врагом, но вместо этого он оказывается нарушителем мира и как таковой объявляется *hors-la-loi* и *hors l'humanité*; война, ведущаяся для сохранения или расширения экономических властных позиций, должна быть, усилениями пропаганды, сделана “крестовым походом” и “последней войной человечества”» [7, с. 356].

Несмотря на измененные формы насилия, суть его остается прежней, при этом вовсе не исключая силовую политику из международных отношений. Государство, совершающее экспансию при помощи гуманитарной идеологии, на самом деле стремится к установлению международно-правового протектората. В этой ситуации, чтобы сохраниться как нация и как народ, необходимо брать на себя труд оберегания своей политической экзистенции. Иначе найдется другой народ, который возьмет на себя этот труд под видом «защиты от внешних врагов» и таким образом установит свое политическое господство над ним. Народ, который отказывается от собственной политической воли, превращается в «слабый» и ему грозит исчезновение. «Только беспечный поверит, будто бы у безоружного народа есть только друзья, и на трезвую голову нельзя рассчитывать, что врага тронет отсутствие сопротивления» [7, с. 330], – пишет по этому поводу немецкий философ.

Опасность концепции универсальности в том, что она вводит новые возможности для войн, санкционируя коалиционные войны, узаконивает их и смещает многочисленные препятствия на пути насилия, существовавшие в легитимном поле. Новые принципы становятся настолько всепоглощающими, что гегемонистские нации начинают верить собственной риторике. Именно это случилось с США, которые полагают, что только они обладают особым мандатом истории и выполняют священную миссию, предписанную Провидением.

Новым инструментом «цивилизационной агрессии» в последние годы стал феномен так называемого «вторичного, или подражательного, империализма» («secondary or imitative imperialism») [16]. Этим термином обозначается процесс, когда страны, недавно вошедшие в «европейскую семью», активно включаются в процесс «миссионерства» по отношению к другим народам (по их понятиям, «низшим») от имени общечеловеческих ценностей. Тем самым они стремятся продемонстрировать свою принадлежность к «цивилизованному сообществу».

Классическим историческим примером подобного поведения считается установление Японией в 1874 году колониального правления на Тайване. В этот период в Стране восходящего солнца был в ходу аргумент о том, что для того, чтобы избежать печальной участи Китая, грубо завоеванного европейцами, следует в превентивном порядке преобразовать страну на европейских началах. Одним из элементов модернизации было признано заимствование европейской внешней колониальной политики, которая должна была послужить доказательством приверженности «прогрессу и цивилизации». Япония заявила, что она обязана «присоединиться к коалиции Запада» и принести в такие азиатские государства, как Корея, Китай и Тайвань, европейские ценности. Тем самым Япония может продемонстрировать свою способность и готовность даровать благословения «цивилизации» «нецивилизованным» народам [18].

Следует признать, что эта практика в несколько измененном виде сохранилась и распространилась в XXI веке в стане «новых» восточноевропейских демократий и в некоторых государствах на постсоветском пространстве. Желая доказать свою лояльность Западу, они берут на себя миссию «учителей» по отношению к более «слабым» в экономическом отношении регионам (Польша) или объявляют себя форпостом по защите европейских ценностей (Украина).

В конце XX – начале XXI века западные исследователи отметили рождение нового варианта «стандарта цивилизации» («nouveau standard de civilization»). Концептуально он формулируется как идея быть судьей в отношении других государств, оценивать соблюдение в них прав человека и на этом основании влиять на внутренние процессы этих государств [12]. Некоторые авторы пошли еще дальше. Они стали рассматривать саму демократию как новую цивилизацию [14]. Таким образом подводится идеологическая база под тезис о «продвижении демократии» в «менее цивилизованные» регионы планеты.

Экспорт демократии – это не новая идея. Стремление поставить внешнюю политику на службу «продвижения демократии» родилась вовсе не после окончания «холодной войны». Об этом заявлял Дж. Картер в 1970 году, Дж. Кеннеди в 1961-м и ранее В. Вильсон. Но во времена существования социалистического лагеря эта позиция не была столь наступательной. Только последние 20 лет крупные западные демократии открыто осуществляют вмешательство во внутренние дела других стран под эгидой продвижения рыночной демократии, уважения прав человека и защиты прав меньшинств [15; 11, с. 813].

Демократический мессианизм основывается на идеологии международного неолиберализма. В основе либеральной философии заложены потенциально противоречивые принципы. С одной стороны, это

равенство для всех, а с другой – свобода для каждого; толерантность к различиям, плюрализм и в то же время движение к единому для всех идеалу; отказ от применения силы и право на легитимную превентивную оборону. Отсюда и двойные стандарты в практических действиях. Принципы равенства и толерантности требуют равенства (уважения) суверенитетов государств и взаимного невмешательства во внутренние дела как соблюдения фундаментальной нормы. Однако принцип прогресса и распространения свободы заставляет самые могущественные государства предлагать свои ценности в качестве модели развития и даже навязывать их через вмешательство. Принцип законной обороны распространяется на случаи, когда нет прямой агрессии. Именно двойственность, заложенная в самом понятии международного неолиберализма, легитимирует употребление силы против тех государств, которые не соответствуют критериям нового «стандарта либеральной цивилизации».

Указанная эпистемологическая дихотомия была перенесена в область политической онтологии Ф. Фукуямой, который назвал западные демократии постисторическим миром, который противостоит фундаменталистским обществам. Идея была подхвачена европейскими авторами, которые предложили более дробное деление на мир постмодерна, модерна и премодерна. К первому были отнесены страны ЕЭС, ко второму Россия, Китай, Индия, для которых характерен «постимперский хаос». Третий мир – это такие государства, как Сомали, Афганистан, Либерия, принадлежащие к другой эпохе, к иной темпоральной зоне. Американские аналитики пошли еще дальше. Они разделили мир на пять типов, добавив к предыдущей классификации еще два вида, выделив весьма характерные для современной международной политики подгруппы в зоне модерна. Это, во-первых, относительно «благопристойные» государства, готовые идти на уступки, так называемые «доброжелательные абсолютистские государства», которые в той или иной степени согласны с Новым мировым порядком, и, наконец, государства «вне-закона», которые нарушают права человека и угрожают миру своим поведением [11].

В отношении последней категории, так же как в отношении группы премодерных государств, разрешено вооруженное вторжение и насильственное установление там демократического порядка даже в том случае, если сами эти государства не проявляют агрессии по отношению к внешним акторам. Логика проста. Что касается постмодерных государств, то они едины и в них действуют установленные правила. К тем же, кто к ним не относится, следует применять правила предшествующих эпох, т. е. силу, принуждение, хитрость. К дикарям, которые живут по закону джунглей, применяют закон джунглей.

* * *

Привлечение внимания к дискурсу «стандарта цивилизации», его развитию и трансформации важно, прежде всего, с точки зрения осознания процесса самоидентификации Запада. Тем не менее, он выступает как способ перестройки хода мировой истории. Дело в том, что сам факт использования «цивилизационного языка», и в частности такой его лексической единицы, как «стандарт цивилизации», выражает центральный элемент исторического и современного «евро-американского» самосознания. Он резюмирует все то, что возвышает западное общество и отделяет его от других – «примитивных» по отношению к его позиции – народов.

Экзистенциальной статикой дело не ограничивается. В исторической динамике появляется стандарт, который позволяет *измерять* степень «цивизованности», утверждая европейский образец в качестве модели для развития всех остальных обществ. Однако тезис об уникальной сущности какой-либо части мирового сообщества, как подтверждает международная политика современности, служит предпосылкой для претензий на главенствующее положение среди прочих стран и народов. В качестве последствия мы имеем ситуацию, которая оправдывает насильственные действия против «нецивилизированных» народов, узаконивая вмешательство, направленное против них. Мы оказываемся в парадоксальной позиции, в позиции гуманитарного оксюморона, когда *война* против кого-либо ведется *от имени передовой цивилизации*, попирая тем самым все доводы Разума, Прогресса и Справедливости, утвердить которые как раз и призвано восходящее историческое развитие.

Таким образом, дискурс «стандарта цивилизации» вместо Прогресса и Просвещения приводит к созданию иерархической международной системы. Основные структуры старых колониально направленных цивилизующих миссий воспроизводятся в XXI веке, хотя временами они проходят ребрендинг под другими ярлыками. В отличие от обещанной «цивилизующей» роли дискурс «стандарта цивилизации» с его предполагаемыми универсальными ценностями все более явно демонстрирует склонность к разрушительным и насильственным последствиям его применения. Эти проблемы, к сожалению, не исчезают с процессом деколонизации. Продолжается иерархическое деление мира на тех, против кого можно проводить «гуманитарные интервенции», и тех, кто считается «неприкасаемым».

Задача других народов, и прежде всего России, сегодня состоит в том, чтобы прервать дурную бесконечность легитимизации насилия. В этом отношении открытые дискуссии, демонстрация истинной природы и главных характеристик «стандарта цивилизации» рождают надежду на то, что мы сможем положить конец практике повторяющегося очернения целых обществ и наций ради банальной попытки узаконить мировое господство.

Спиридонова Валерия Игоревна – доктор философских наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики Института философии РАН.

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Valeria I. Spiridonova – Sc.D. in Philosophy, chief research fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

vspirid@yandex.ru

Список литературы

1. *Вильсон В.* Речь в защиту Лиги Наций в г. Пуэбло. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/rech-v-zashitu-ligi-naciy-v-pueblo.php> (дата обращения: 28.07.2019).
2. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. URL: <https://public.wikireading.ru/31318> (дата обращения: 23.06.2019).
3. *Куманьков А. Г.* Этика военной интервенции. Аргумент Дж. Ст. Милля и его современное значение // Электронный философский журнал Vox. Выпуск 18 (июнь 2015) / Голос. URL: <http://vox-journal.org> (дата обращения: 21.07.2019).
4. *Маркс К.* Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 9. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=134406&p=68> (дата обращения: 24.07.2019).
5. *Милль Дж. Ст.* О свободе. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O-%20svobode.pdf (дата обращения: 12.06.2019).
6. *Фукуяма Ф.* Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М.: АСТ, 2006. 220 с.
7. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. 567 с.
8. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 336 с.
9. *Adams A.* The Standard of Civilization in Historical and Contemporary International Relations: The Case of East Timor. University of Canterbury. 2016 URL: <https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/12918/Adams%2C%20Aim%20Aim%20MA.pdf?sequence=1> (дата обращения: 02.07.2019).
10. *Assayag J.* Quand guerre et paix s'emmèlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains // Cités. P., 2005. № 24. P. 85–102.
11. *Battistella D.* L'Occident, exportateur de démocratie // Politique étrangère. 2011. № 4 (Hiver). P. 813–824. DOI: 10.3917/pe.114.0813. P. 813–824.
12. *Donnelly J.* Human Rights: A New Standard of Civilization? // International Affairs. 1998. Vol. 74. № 1. P. 1–24.
13. *Doyle M.* The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect. Yale University Press, 2015. 288 p.
14. *Hobson C.* Democracy as Civilization // Global Society. 2008. Vol. 22. № 1. P. 75–95.
15. *Peceny M.* Democracy at the Point of Bayonets. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999. 272 p.
16. *Linklater A.* The “Standard of Civilisation” in World Politics // Human Figuration. 2016. July. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.205> (дата обращения: 15.04.2019).

17. The 'Standard of Civilisation' as an English School Concept. URL: https://www.researchgate.net/publication/270626438_The_'Standard_of_Civilisation_as_an_English_School_Concept (дата обращения: 19.06.2019).
18. Suzuki S. *Civilization and Empire: China and Japan's Encounter with European International Society*. Abingdon: Routledge, 2009. 256 p.

References

1. Vilson V. Rech v zashchitu Ligi Nacij v g. Pueblo // <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/rech-v-zashitu-ligi-nacij-v-pueblo.php> (data obrashcheniya: 28.07.2019).
2. Kissindzher G. Mirovoj poryadok // <https://public.wikireading.ru/31318> (data obrashcheniya: 23.06.2019).
3. Kumankov A. G. Etika voennoj intervencii. Argument Dzh. St. Millya i ego sovremennoe znachenie // *Elektronnyj filosofskij zhurnal Vox*. Vypusk 18 (iyun 2015) / *Golos*: <http://vox-journal.org> (data obrashcheniya: 21.07.2019).
4. Marks K. Budushchie rezultaty britanskogo vladychestva v Indii // Marks K., Engels F. *Sochineniya*. T. 9 // <https://www.litmir.me/br/?b=134406&p=68> (data obrashcheniya: 24.07.2019).
5. Mill Dzh. St. O svobode // https://www.civisbook.ru/files/File/Mill_O-%20svobode.pdf (data obrashcheniya: 12.06.2019).
6. Fukuyama F. *Silnoe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke*. M.: AST, 2006. 220 s.
7. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo*. SPb.: Nauka, 2016. 567 s.
8. Elias N. *O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihogeneticheskie issledovaniya*. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. T. 1. 336 s.
9. Adams A. *The Standard of Civilization in Historical and Contemporary International Relations: The Case of East Timor*. University of Canterbury. 2016 / <https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/12918/Adams%2C%20Aimee%20MA.pdf?sequence=1> (data obrashcheniya: 02.07.2019).
10. Assayag J. *Quand guerre et paix s'emmèlent. Géopolitique des espaces imaginaires contemporains* // *Cités*. P, 2005. № 24. P. 85–102.
11. Battistella D. *L'Occident, exportateur de démocratie* // *Politique étrangère*. 2011. № 4 (Hiver). P. 813–824. DOI: 10.3917/pe.114.0813. P. 813–824.
12. Donnelly J. *Human Rights: A New Standard of Civilization?* // *International Affairs*. 1998. Vol. 74. № 1. P. 1–24.
13. Doyle M. *The Question of Intervention John Stuart Mill and the Responsibility to Protect*. Yale University Press, 2015. 288 p.
14. Hobson C. *Democracy as Civilization* // *Global Society*. 2008. Vol. 22. № 1. P. 75–95.
15. Peceny M. *Democracy at the Point of Bayonets*. Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999. 272 P.
16. Linklater A. *The 'Standard of Civilisation' in World Politics* // *Human Figuration*. 2016. July. // <http://hdl.handle.net/2027/spo.11217607.0005.205> (data obrashcheniya: 15.04.2019).
17. The Standard of Civilisation as an English School Concept // https://www.researchgate.net/publication/270626438_The_'Standard_of_Civilisation_as_an_English_School_Concept (data obrashcheniya: 19.06.2019).
18. Suzuki S. *Civilization and Empire: China and Japan's Encounter with European International Society*. Abingdon: Routledge, 2009. 256 p.